

Через некоторое время врач снова пришел осмотреть пациента.

Увидев, что ребенок проснулся, врач попросил взрослых ненадолго выйти.

В коридоре врач обратился к двум леди:

— Травма ребенка не очень серьезная, через несколько дней он поправится, — и продолжил после паузы: — Но я боюсь, что если ребенок долгое время подвергался насилию, у него в будущем могут возникнуть какие-то психологические проблемы. Есть ли среди вас мать ребенка?

Цай Ялань и Ван Шуфэнь переглянулись и не ответили на вопрос.

Доктор тоже, наверное, что-то догадался. Он не стал задавать больше вопросов, чтобы смутить их.

— Ребенок сможет вернуться домой завтра, — сказал он терпеливо.

Обе женщины кивнули.

После того, как доктор ушел, Ван Шуфэнь не могла не пробормотать:

— Это грех, как ребенок может вернуться в этот дом.

Цай Ялань тоже тайком вздохнула.

Внутри палаты Шао Сянь увидел, что Чэнь Байчжоу тайком поглядывает на него правым глазом. Шао Сянь не мог не отреагировать.

— Твои глаза все еще опухшие, ты должен закрыть их и немного отдохнуть.

— Да... да, Чэнь Байчжоу, у тебя болят глаза, когда ты их открываешь?! — с любопытством спросил Цянь Вэньцзе.

Чэнь Байчжоу не хотел закрывать глаза. Он знал, что после возвращения домой ему снова придется столкнуться с бесконечной тьмой, поэтому теперь, когда у него появился шанс, он хотел увидеть больше света.

Чэнь Байчжоу не хотел закрывать глаза, но он не мог быть непослушным ребенком.

Никому не нравился непослушный ребенок, поэтому ему приходилось сдержаться и медленно закрыть глаза и отдыхать.

Поговорив с доктором, Цай Ялань открыла дверь.

— Сянь Сянь, выходи, — позвала она сына.

Услышав команду своей матери, Шао Сянь немедленно встал и вышел, медленно закрывая дверь.

После того, как Шао Сянь ушел, Чэнь Байчжоу внезапно открыл глаза и с грустью уставился на дверь палаты.

Он ушел? Неужели я больше никогда не смогу его увидеть?

— Байчжоу, я уже сказал тебе закрыть глаза, почему ты снова их открыл? — не мог не спросить Цянь Вэньцзе.

Чэнь Байчжоу, казалось, не слышал его.

Выйдя из палаты, Цай Ялань бесстрастно спросила:

— Сянь Сянь, доктор сказал, что Сяо Чжоу завтра выпишут...

— Мама, он был ранен в нашем доме... так что можешь позволить ему остаться в нашем доме на несколько дней. Просто подождать, пока его травма заживет. Хорошо? — быстро сказал Шао Сянь.

Шао Сянь не был глуп.

Сегодня Чэнь Юй получил выговор за то, что он издевался над Чэнь Байчжоу, и если Байчжоу завтра вернется домой, Чэнь Юй будет издеваться над ним еще сильнее.

Если он начал это, его обязанностью было досмотреть за ним до конца.

У Цай Ялань тоже была такая мысль. Она также не хотела отпускать Чэнь Байчжоу к нему домой, потому что ей ужасно не нравилось жестокое обращение с детьми.

Поскольку Чэнь Байчжоу был ребенком семьи Чэнь, она не могла просить его остаться навсегда.

Но было бы нормально попросить его остаться на несколько дней, прежде чем он выздоровеет.

Что касается звонка в полицию с заявлением о жестоком обращении с детьми, то Цай Ялань уже думала об этом, но это было нереально.

Во-первых, как посторонняя, она не могла вмешиваться в чужие семейные дела.

Во-вторых, это дело легко можно было спутать с «воспитанием детей» родителями и «общей дракой между братьями», и полиции было бы сложно с этим разобраться.

В-третьих, было много детей из известных семей, которые издевались над Чэнь Байчжоу в тот день, и эта проблема станет очень большой, если она распространится.

В целом, это дело принесет больше вреда, чем пользы этому ребенку.

Ван Шуфэнь, наблюдавшая со стороны, тоже искренне чувствовала, что семья Шао очень добросердечна.

Ван Шуфэнь не могла не чувствовать себя немного ближе к ним.

Шао Сянь принял решение. Он толкнул дверь и вошел, прямо встретившись с внезапно просветлевшим правым глазом Чэнь Байчжоу.

— Чэнь Байчжоу, после выписки ты не хотел бы остаться в моем доме на несколько дней?

Шао Сянь спросил прямо, но, видя, что ребенок долго молчал, он мог только переспросить еще раз.

— Хочу... хочу, — раздался хриплый голос Чэнь Байчжоу.

Чэнь Байчжоу чувствовал себя жадным рыбаком из сказки, получив огромное богатство, даже не прося о нем.

Его подлая и грязная кровь умоляла, чтобы к ней относились по-доброму.